

нецьк, 2005), в якому панує ономастика. Ономастика наша збагатилася ще одним доктором наук: 25 жовтня 2005 р. Микола Зубов захистив докторську дисертацію “Слов’янські повчання проти язичництва в лінгвотекстологічному висвітленні”. Щороку зростає наукова вагомість періодичного збірника “Студії з ономастики та етимології”, що його видає ономастичний сектор Інституту української мови НАН України. Є надія, що цей збірник досягне рівня польської “Onomasticus” — найкращого слов’янського ономастичного журналу.

Кожна мова має мільйони, якщо не десятки мільйонів власних назв, які містять величезну інформацію і мають значне мовне навантаження. Усе це треба систематизувати, вивчити, проаналізувати. Мало в якій галузі мовознавства стільки нелегких завдань і стільки невиконаної роботи, як в ономастиці.

Н. Л. Швецова

ПРОЗВИЩА И ИХ МОТИВАЦИЯ В РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ГОВОРАХ ОДЕСЩИНЫ

Традиция наделять друг друга прозвищами не только жива в сельской среде, но устойчиво сохраняется в кругу разных возрастных поколений.

Прозвище, как известно, вид антропонима, неофициальное дополнительное имя, данное человеку в любой период его жизни в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим жизни обстоятельством или по аналогии. “Уличные” имена в сёлах и деревнях играют гораздо более значимую роль, чем в городе, они более функционально нагружены, богаты в лексико-семантическом и словообразовательном аспектах, являются продуктом духовной творческой энергии народа, выразителем своеобразия русского менталитета.

Прозвищные имена занимают периферийное положение в классе собственных имен. Как имена собственные они выполняют основные функции — дифференцирующую, индивидуализирующую и номинативно-идентифицирующую, причем дифференциальный аспект, как подчеркивает Ю. А. Карпенко, является ведущим в

жизни и многочисленных трансформациях собственных имен [5:9-16]. Но в силу своей неофициальности в отличие от других антропонимических единиц они не ограничены рамками именника, а потому интересны своей словообразовательной спецификой, отражением национальных традиций, особенностями структуры семантики, соотношением денотативного и коннотативного компонентов, разнообразием внутренних форм лексических единиц. Для сельских прозвищ это и более широкая лексическая база мотивирующих основ.

Прозвища индивидуальны и всегда мотивированы. Называя своего носителя, они в сжатом виде содержат пресуппозитивную информацию об особенностях внешности или характера носителя, жизненных обстоятельствах, происхождении, профессии, поступках. Эта особенность сближает прозвища с апеллятивами, ибо процесс называния прозвищем включает в себя формирование понятия об объекте именованного как первый этап номинации. Признак, положенный в основу мотивации, отражает называемую реалию.

Потребность в номинации возникает в первую очередь при знакомстве с чем-то новым. В слове человек делает попытку отразить и закрепить результат познания объекта, в неофициальном имени — ещё и выразить своё отношение к нему. Прозвища настолько эмоциональны и экспрессивны, что никогда не становятся нейтральными словами. Но в зависимости от отношения носителя к своему прозвищу некоторые из них, как отмечает З. П. Никулина, создают иллюзию стилистической нейтральности, другие воспринимаются как оценочно-экспрессивные [8]. Однако по степени эмоциональности прозвища неоднородны.

Это объясняется, в частности, характером мотивационного признака, положенного в основу прозвищных номенов.

Первые опыты развернутой семантической классификации прозвищных имен по мотивационному признаку относятся к 50-м годам XX века. Построенная на богатом ономастическом материале письменных памятников XIV-XVIII вв. система групп прозвищ и личных некалендарных имен по значению основы, предложенная А. М. Селищевым, стала первой серьёзной научной разработкой в этой области и долгое время служила образцом для

исследователей как городских, так и сельских диалектных прозвищ. Для исследователей современной диалектной антропоники статья А. М. Селищева “Происхождение русских фамилий, личных имён и прозвищ”, вышедшая в свет в 1968г., особенно интересна представленным в работе богатейшим эмпирическим материалом, всё реже встречающимся в русских говорах, обычно с затемнённой или утраченной мотивацией. В дальнейшем изучению семантики прозвищ, как диалектных, так и общеизвестных, были посвящены работы В. П. Ванюшечкина, В. А. Никонова, З. П. Никулиной, Е. Н. Поляковой, А. В. Суперанской. Отметим также, что основой классификации в исследованиях ученых обычно было значение самого прозвища, а не семантика его корневой основы. Зачастую эти понятия совпадают, исключение составляют метафорические и другие ассоциативные образования, продуктивность которых в последнее время не раз утверждалась и в конечном счете доказана как в диалектном словотворчестве, так и в литературном языке.

Говоря о прозвищах, мы прежде всего будем иметь в виду их собственное значение. Материалом для исследования послужили прозвища, записанные в с. Павловка Арцизского района и с. Старая Некрасовка Измаильского района Одесской области, основанных более двухсот лет назад переселенцами из Обоянского уезда Курской губернии (с. Павловка) и старообрядцами-некрасовцами, бежавшими от царского преследования с Дона (с. Старая Некрасовка). Нашими респондентами были лица среднего и старшего поколений.

Русских сел на территории Одесщины более сорока. Разноязычное окружение, тесные продолжительные контакты с украинцами, молдаванами, болгарами наложили свой отпечаток на лингво-культурную историю русскоязычных поселенцев. Примечательно, что будучи открытой для языковых инноваций, заимствований и исконно русских локализмов, система русских островных говоров Одесщины бережно сохраняется её носителями до сих пор.

С точки зрения семантической мотивированности собранный нами прозвищный материал можно разделить на несколько групп. Отметим самые продуктивные из них.

I. Прозвища, указывающие на особенности внешнего вида.

Это одна из самых многочисленных и разнообразных в лексико-семантическом плане группа. Она широко представлена прозвищами, выраженными словами общенародного языка, субстантивированными дериватами, мотивированными значением тех общенародных и просторечных апеллятивов, которые лежат в их основе, а также территориально ограниченными диалектными словами.

Прозвища этой группы могут указывать на внешний вид их носителей в целом, на особенности походки, могут выделять и подчеркивать отдельные детали внешности или их отсутствие. О внешнем виде в целом говорят прозвища *Богатырь*, *Барабан* (толстый человек), *Бамба* (толстая женщина), *Колобок*, *Большак*, *Масик*, *Горбатая*, *Длинный*, *Жирафа*, *Комариха* (худая женщина с длинным носом), *Габа* (высокая горбатая женщина), ср. в СРНГ: *габа* в значении “грубая, жёсткая ткань” с пометой южн.-русс., *Грунда* (высокая крепкая женщина). Последнее заимствовано из соседних болгарских диалектов, в которых лексема *грунда* обозначает “бревно” [РБЕ, Т. 3:394]. Недостатки походки отражены в прозвищах: *Хромой*, *Косолапый*, *Кривая уточка* (*Хромая уточка*), *Кривоножка* (у женщины одна нога длиннее другой). На особенности отдельных частей тела указывают имена *Беленький* (белокурый), *Косой*, *Банан* (человек с лицом всегда желтого цвета), *Облезлые* (семейное прозвище Муравлевых из Старой Некрасовки: все члены этой семьи в трех поколениях — блондины с нежной белой кожей, которая быстро сходит (облезает) от загара), *Рыжий*, *Трегубый*, *Монголы* (из-за узких глаз), *Мороз* (мужчина с красным носом), *Долгоносик*, *Хомячиха* (толстощекая женщина), *Гадзман*, или *Газман* (человек с самодельным деревянным протезом-варежкой, заменяющим ладонь), ср.: в соседних болгарских говорах *хазман* “кастрированный баран” [6:225].

Обычно прозвища, связанные с внешним видом, называют одну особенность человека, однако отнюдь не редки и такие, которые имеют двойную мотивацию: *Хрюшки* (внешне грязные и невоспитанные люди), *Бизон* (человек крепкого телосложения и твердолюбый по характеру), *Соплячиха* (грязная, неаккуратная женщина с хроническим насморком), *Жаба* (непривлекательный мужчина

скверного характера — “отвратительный”), *Шахшня* (полная высокомерная женщина), *Пушок* (женщина с вьющимися волосами, которая хорошо танцует).

В исследуемых русских переселенческих говорах употребляются также прозвища, указывающие на предметы одежды и другие вещи, послужившие отличительной особенностью именуемого: *Манушка* “грубая рукавица” (надевалась носителем этого прозвища во время косьбы камыша), *Вязёнка* “варежка” (прозвище женщины, которая с ранней осени носила варежки), *Котомкин* (мужчина, ходивший постоянно с котомкой — заплочной сумой), *Гурдук* “рукав” (из-за свисающих рукавов, в детстве часто примерял кафтаны, которые его дед (*Шитый*) делал на заказ).

Прозвища-словосочетания встречаются среди диалектоносителей крайне редко (*Кривая уточка*). В таких случаях предпочтение отдаётся сложным словам, образованным путём сложения в сочетании с суффиксацией: *Кривождопка*, *Длинноносик*.

В прозвищах, прямо называющих те или иные особенности внешнего вида, выраженные словами общенародного языка, значение эксплицируется внутри корневой морфемы (*Косой*, *Косолапый*, *Длинный*, *Хромой*, *Горбатая*, *Рыжий*, *Трегубый*, *Облазлые*). Часто они отражают физические недостатки носителей. В сельской среде, где в условиях тезоименности различительная (дифференцирующая) функция играет более важную роль, чем характеристическая, подобные прозвища не содержат ярко выраженной субъективной оценки, но указывают на обозримые отличия их носителей от других членов общества. Такое отношение к прозвищу исторически складывалось на протяжении веков ещё с дохристианских времен. “В старое время, — пишет А. М. Селищев, — не стеснялись в отношении прозвищ никакими значениями слов... Об отношении называемого лица к даваемому имени не возникало вопроса, называемое лицо получало кличку как нормальный словесный знак своего времени” [9:115].

II. Прозвища, называющие особенности характера и поведения человека.

Они касаются самых различных сторон человеческой натуры, но чаще заостряют внимание на негативных чертах, что выража-

ется как в эмоционально-оценочных дериватах, так и в метафорических образах.

Л. Ф. Баранник указывает на то, что отрицательный смысл метафоры, связанной с характеристикой человека, является языковой универсалией [1:89]. О злом человеке в исследуемых русских говорах говорят: *Гадюка*, *Душман*, *Крыса*, *Жаба*, о хитром — *Лисичка*, *Кот*, о трусливом — *Зайчик*, о здоровом, высоком, но излишне покладистом или глуповатом человеке — *Лобус* (от общенародного *лоб* с диалектным суффиксом *-ус* в значении “очень большой”), *Гучик* (ср. укр. диал. *гуч* в значении “двухгодовалый жеребенок”). Т. А. Космеда отмечает, что лексемы, служащие названиями представителей животного мира, переосмысливаясь, чаще всего приобретают именно отрицательную семантику. Более того, потребность выразить отрицательные эмоции, негативное отношение к человеку эксплицируется не только во вторичных значениях названий животных, но и во вторичных значениях слов, называющих части тела животных. Вспомним в разговорной речи просторечные *морда*, *лапа*, *копыта* [2:267]. Способность к переносному употреблению слов, связанных с фауной, издревле свойственна человеческому обществу. Как известно, “названия животных — древний интернациональный источник антропонимии” [11:28]. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования по антропонимике славянских, германских, тюркских и других языков (см. работы О. Н. Трубачева, А. Доза, В. К. Магницкого, Т. Х. Кусимовой, Ю. К. Редько и др.) Вера в тотем — священное животное, родоначальника — существовала задолго до того, как сформировался антропоцентрический взгляд на окружающий мир. Образы медведя, осла, змеи известны многим европейским древним фольклорным преданиям.

Употребление наименований животных для обозначения лица с оценочной коннотацией осуществляется в результате переноса того или иного признака с одного предмета на другой, как, в общем, любой метафорический перенос. Дифференциальной семой при этом является признак, которым объект действительно обладает и который акцентируется в прозвище, тогда как коннотативная сема зависит от национальной специфики смысловых ассоциаций, являющихся основой образного употребления слова. Уни-

кальность любого национального языка в большей степени проявляется в том, — отмечает О. А. Корнилов, — что коллективное языковое сознание по-разному распределяет относительно универсальный набор эмоциональных оценок по концептам языка, изначально никак не связанных ни с оцениванием, ни с эмоциями [7:235].

В. В. Виноградов подчеркивает, что коннотативная сема зоо-семизмов определяет метафорические прозвища, выраженные наименованиями животных, как предикативно-характеризующие, содержащие в себе предикат, обращение, приложение или обособленное определение, характеризующее человека [3:179]. В соответствии с этим прозвища-зоосемизмы, как и другие метафорические прозвища, в силу своей эмоционально-оценочной насыщенности обнаруживают прагматический аспект значения, или модальный компонент семемы.

В целом, метафорические прозвища — образы животных универсальны, соответственно не привязаны к языковому и культурному континууму какого-либо одного человеческого сообщества.

Это касается не только древних прозвищ, связанных с фауной. Тенденция к универсализации языковых средств объясняет широкое распространение и других базовых метафор, типовых словообразовательных моделей и продуктивных аффиксов. Общность представлений жителей города и села обусловила бытование в говорах близкого и более дальнего родства, а также в литературном языке одинаковых или однородных прозвищ: *Горбатый, Хромый, Довгий, Шведкий, Горбаль* (отмечены в украинских говорах Западной Словакии М. Дуйчаком [4:256]), *Горбатой, Хромой, Долгой, Горбач, Горбиль* (в говорах центральной части России, названы А. М. Селищевым [9:108-109]), *Горбатый, Хромой, Длинный, Горбач, Шведкий* (ярко выраженное украинское влияние, ср. укр. *швидкий* в том же значении), бытуют в русских переселенческих говорах Одесской области.

Наличие у прозвища богатого набора концептуальных признаков, отражающих различные особенности денотата, создает условия для существования структурных связей между единицами именования по линии содержания. В группе прозвищ, мотивированных особенностями характера человека, широко представле-

ны отношения противопоставления: *Бабай*, *Мацалай* (мужчина, который любит приставать к женщинам, бабам, “мацать” (простореч.) ≠ *Бирюк*, *Монах*; *Буря*, *Цун* (усеченное от *цунами*, о человеке с буйным характером) ≠ *Пршмус* (прозвище спокойного человека); *Тихоня* (прозвище молчаливой женщины) ≠ *Трындычуха*, *Гомонило*, или *Гамула* (ср. у Даля *гамить* — “гомонить, говорить, громко кричать” [Даль, Т. 1: 343]), *Тратата* (в составе комплексного антропонима *баба Дуся-Тратата*), *Черпак*; прозвища с дополнительной семой “злословный”: *Комар* (за резкие эпиграммы в адрес односельчан), *Гарашники* (ср. у Даля *гарасить* — “ударять, бить кого-либо” с пометой *калужское* [Даль, Т. 1:344]).

III. Прозвища, в основу которых положены апеллятивы, указывающие на род занятий (часто на профессию предка, по прозвищу которого прозывают его потомков). По соотношению денотативного и коннотативного компонентов значения эта группа близка к нейтральной. Основная функция таких прозвищ — различительная. Среди них — прозвища-апеллятивы, выраженные словами общенародного языка: *Животновод*, *Моряк*, *Акушарочка* (прозвище мужчины по профессии матери), *Лимонадчики* (прадед респондента торговал лимонадом), *Кобелята* (семья разводила собак), *Овечки*, *Козлы*, *Таранки* (от названия рыбы *тарань*), *Тюльчик* (делал *кауцы* — сети для ловли рыбы, через которые даже тюлька не могла пройти), а также диалектные субстантивы: *Шептуня* (от *шептун* — “знахарь”), *Скаляня* (предок занимался добычей камня), *Катары* (семья сапожников, от *катары* — “грубые сапоги с короткими голенищами”. В СРНГ нет), *Кыпыля* (от *кыпыля* — “деталь санок”, самый старший член семьи делал и продавал санки в молодости), *Парщик* (сейчас в составе фамилии *Парщиковы*, одной из самых распространенных в Старой Некрасовке, обозначает человека, руководящего опусканием и подъёмом *пара*, шеста для крепления лодки в определённом месте озера. Отмечено в “Словаре русских говоров Одесщины” [СРГО, т. II: 16]).

IV. Отонимические прозвища.

Источником их появления могут служить фамилии носителей таких прозвищ. При этом образование прозвищного имени про-

исходит путём усечения фамильного суффикса и уподобления общенародному слову (сопровождается переходом единицы из одного лексико-грамматического разряда в другой): *Колесѡ* (Колѣсников), *Бурлак* (Бурлакѡв) и путём ассоциативного уподобления: *Балка* (Белѡв), *Маслёнок*, *Маслята* (Масловы). Отдельные отонимические прозвищные имена представляют собой аффиксальные фамильные дериваты, не имеющие аналога в русском языке: *Макара* (Макарѡв), *Доцик* (Доцеѣнко, Денецеѣнко), *Изѡтик* (Изѡтов).

Словообразующий формант для прозвищ женского пола –*их(а)* в сочетании с фамильным корнем дает прозвища: *Горобѣиха* (Горобѣц), *Лебедѣиха* (Лѣбедь), *Воробѣиха* (Воробьева), *Красотѣиха* (Красотѣ), с суффиксом –*ш(а)*: *Бордиянѣша* (Бордиян). Такой способ образования для прозвищных имён женского рода — самая продуктивная модель не только в русских островных говорах Одесщины, но и в материнских говорах метрополии.

В основу мотивации прозвища может быть положено собственное имя называемого: *Лѣна* (Алѣша), *Жѣка* (Евгения), *Толѣка* (Анатолий), *Васѣка* (Василий), *Федуѣша*, *Федул* (Фѣдор), *Вѣнька* (Вениамин), *Микѣн* (Михаил), *Викѣн*, *Витѣн* (Виктор), *Вѣнта*, *Вѣнтѣ* (Иван), *Шурѣя*, *Шурѣка* (Александр), *Герасѣк* (Герасим), *Фѣдѣя* (Нефѣд), *Чѣля* (Анатолий), *Хѣмочка* (Ефимия), *Кострочѣна* (Калистрат).

Появление подобных прозвищ, как отмечает Н. Н. Ушаков, связано с нарушением границ именника, под которыми понимается совокупность всех официальных личных имён, функционирующих в определённый период, в том числе оценочных с положительной или отрицательной коннотацией, а также употребление оценочных имён в кругу людей, где не приняты подобные формы именования, например, в кругу молодёжи о лицах старшего поколения [10].

Прозвищными являются также именования всех членов семьи от имени одного предка. В таких случаях до некоторой степени можно говорить о второй неофициальной фамилии. В сельской среде родовые прозвища, переходящие из поколения в поколение, несут основную различительную нагрузку и близки к нейтральным. Продуктивными при этом являются фамильный суффикс –*ин* и оценочный –*чик* с положительной коннотацией: *Пѣнѣчки*

(Пантелей), *Еврасы*, *Евраслята* (Еврас), *Асонкины* (Асон), *Никоноркины* (Никандр), *Ефимкины* (Ефим), *Митрофанчики* (Митрофан), *Сёмкины* (Семён, Сёмка), *Грунькины* (Груня, Агриппина), *Николочки* (Николай), *Солмонины* (Солмонида), *Аринчики* (Арина), *Боршсовичи* (Борис), *Филины* (Филипп). Как показывают приведенные примеры, в основу мотивации таких прозвищ обычно кладется уменьшительно-ласкательная форма мужского имени, гораздо реже — женского.

Частотны в русских островных говорах Одесщины и женские прозвища, образованные от имени мужа или отца: *Бодиха* (Бодя), *Михмшчиха* (Миша), *Иваниха* (Иван), *Мирсонова* (Мирон), *Васильевна* (Василий), или от прозвища: *Шариха* (Шарик), *Отяиха* (Отяй), *Пять год* (от прозвища отца, который в детстве на вопрос сколько ему лет отвечал - пять год).

Анализ прозвищ в русских островных говорах Одесщины ещё раз показал специфичность этого класса антропонимических единиц, отличность от других лексических групп. Индивидуальный характер и неограниченность в выборе словообразовательных средств делает их непохожими ни на строгие имена, ни на общенародную лексику. Они всегда экспрессивны и правдивы по отношению к своему носителю.

Показательно, что в качестве исходного материала для создания эмоционально-экспрессивных прозвищ в русских островных говорах Одесщины, длительное время функционирующих в разноязычном окружении, выступают лексические заимствования из соседних диалектов как близкого, так и более отдаленного родства: украинских, болгарских, молдавских.

1. Баранник Л. Ф. Семантические инновации в русских говорах Одесщины // Слов'янський збірник. — Вип. 8. — Одеса, 2001.

2. Бацевич Ф. С., Космеда Т. А. Очерки по функциональной лексикологии. — Львов, 1997.

3. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М., 1977.

4. Дуйчак Микулаш. Прізвиська та їх мотивованість // Проблеми сучасної ареалогії. — К., 1994.

5. Карпенко Ю. А. О функциях собственных имен // Spolecenske fungovanie vlastnych mien. Zbornik materialov zo VII Slovenskej onomastickej konferencie na Zemplinskej Sirave 20-24. 9. 1976. — Bratislava, 1980.

6. Колесник В. О. Дебалканізація болгарських переселенських говірок в Україні. Граматична система. — Одеса, 2003.
7. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2003.
8. Никулина З. П. О некоторых факторах, влияющих на выбор прозвища // Вопросы ономастики. — Вып. 14. — Свердловск, 1980.
9. Селищев А. М. Происхождение русских фамилий, личных имён и прозвищ // Избранные труды. — М., 1968.
10. Ушаков Н. Н. Прозвища и личные неофициальные имена (к вопросу о границах прозвища) // Имя нарицательное и собственное. — М., 1978.
11. Щетинин Л. М. Имена и названия. — Ростов-на-Дону, 1968.

Список сокращений

- Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1955. — Т. 1-4.
- РБЕ – Речник на български език. — София, 1981. — Т. 3.
- СРГО — Словарь русских говоров Одесщины. — Одесса, 2001-2002. — Т. 1-2.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под. ред. Ф. П. Филина. — М.; Л., 1965-1991. — Вып. 1-26.

О. Ю. Медведева

ДИНАМІКА ПЕРШОЇ ДЕСЯТКИ ІМЕН ЖІНОЧОГО ІМЕННИКА БОЛГРАДСЬКОГО РАЙОНУ

Ім'я людини — один з найяскравіших визначальних способів індивідуалізації етносу. Ми вже мали змогу переконатися в цьому, досліджуючи іменні системи українців і болгар, які мешкають в Українському Придунав'ї [5,6,7]. В розумінні іменника наша позиція збігається з думкою В. А. Никонова, який вважав, що “іменник — не список використовуваних імен, а реальна частотність. У двох народів може бути цілком однаковий набір імен, але якщо в одного народу найчастотнішими є імена, украй рідко вживані у іншого, то це — два різні іменники” [8:43]. Зазначене разом із результатами наших спостережень дозволяє говорити про функціонування на півдні України самотутніх українського і болгарського іменників, які, маючи чимало спільних ознак, що є неминучим наслідком тривалого співіснування, рівно ж містять у собі чимало суттєвих відмінностей. Мета статті — дослідити в динамі-